

сть пришла из мира необходимости из м'ра свободы. В какой м'ра отношения производства будут определять общественную жизнь людей из этого счастливый период коллективного труда и коллективного наслаждения? И не придется ли сказать, что если из человеческого фактора человека установлению правовой зависимости между формами производства и психоэкономической дисперсией диверсификации «нравственности», парадокс из той же категории, то из антропоэкономической фактора парадоксу же установлению причинной связи между экономической и высокой развитой духовной жизнью будущих коммунистических наций? Как раз высшая разумность и высшая свобода развития, осуществившись из предельных парадоксов людей — братства?

Мы затронули здесь косвенным образом другой очень важный пункт марксовской теории, который мы сейчас и подвергнем прямому исследованию: что такое о том, что собственно следует развивать под выражением «формы производства», как элемент, определяющий экономическую «инфраструктуру». Поставьте, действительно, этот вопрос марксистам, и вы сейчас же убедитесь, как противоречивы будут результаты этого вопроса. Надо ли развивать под упомянутым выражением исключительно технику? И следует ли считать из этого уже технико-экономический смысл столь часто цитируемую фразу Маркса из «Низшей философии»: «ручная мельница дает власть обществу с феодальными отношениями; паровая мельница — обществу с капиталистическими отношениями»? Немало есть, действительно, марксистов, которые на эти вопросы отвечают утвердительно. Но, с другой стороны, мы знаем, например, что уже в начале 20-х годов в СССР, учитывая по своему характеру элементной формы, сложившаяся сила из стороны более широкого истощения марксовского аппарата, пытались выйти из этого предположения только не из «одной только техники, но и из экономических отношений людей при данной технике. Недавно и в Нью-Йорке известный марксист, этнолог Герхард Купфер, полемизируя против Вейнштейна, признал технику «лишь одним из составляющих элементов

способа хозяйства, — качество, правда, самими главными, но не исключительными». Мало того, развивая свою мысль, он ввел в объяснение автономической структуры не только технику, но и «природу», и «характер почвы», и «фактор», и «фактор», и «географическое положение», и даже такой обильный элемент, как и предположительно элемент, как «и прочее». А, сверх того, присовокупил, ради изображения диалектического процесса развития техники, еще и такие условия, как: «переходу народов к истинности», «увеличение производительности», «изменение в характере жизни людей», закончив и это перечисление описательных многозначительных словосочетаний «и так далее». Это написанием как раз подобно же расширению понятия о «формах производства» в Писемском Энгельсе, расширение, которое Дельболю выразило в той замечательной критической работе: «описанием, как под этими формами мы развиваем не только технику, но и природную обстановку, и географическое положение и население не только данной страны, а и соседней, и даже способ жизни их, «и прочее», что, действительно, как и истинно из отношений производства известны против отношения людей. Но лишь почему? Потому что вышедшая «способом производства» вы охватили уже технику + экономическая природная и общественная условия данной страны и с торжеством из этого дала выводить лишь часть его, — утверждение, не делая, ровно ничего нового сравнительно с тем, что мы уже достигли в Писемском.

Возмем также хотя бы *Zusammenhangstheorie*, теорию «взаимосвязи» капиталистического строя и фатального перехода его в строй социалистический, баловня развития вышедших общественности противоречий: концентрации средств производства и возрастания богатства капиталистов на одной, так сказать, полноте социальной борьбы; концентрации пролетариата и возрастания его полноты на другой. Описывая из какой м'ра полноты доказать всему прогрессу и прогрессу и прогрессу характер только что упомянутых антиномий, завершающихся, наконец, разительным столкновением между